

АХМАТОВА

В «Четках» Анны Ахматовой, наоборот, эйдолологическая сторона продумана меньше всего. Поэтесса не «выдумала себя», не поставила, чтобы объединить свои переживания, в центре, их какой-нибудь внешний факт, не обращается к чему-нибудь известному или понятному ей одной, и в этом ее отличие от символистов; но, с другой стороны, её темы часто не исчерпываются пределами данного стихотворения, многое в них кажется необоснованным, потому что не доказано. Как у большинства молодых поэтов, у Анны Ахматовой часто встречаются слова: боль, тоска, смерть. Этот столь естественный и потому прекрасный юношеский пессимизм до сих пор был достоянием «проб пера» и, кажется, в стихах Ахматовой впервые получил свое место в поэзии. Я думаю, каждый удивлялся, как велика в молодости способность и охота страдать. Законы и предметы реального мира вдруг становятся на место прежних, насквозь пронизанных мечтою, в исполнение которой верил: поэт не может не видеть, что они самодовлеюще прекрасны, и не умеет осмыслить себя среди них, согласовать ритм своего духа с их ритмом. Но сила жизни и любви в нем так сильна, что он начинает любить самое свое сиротство, постигает красоту боли и смерти. Позднее, когда его духу, усталому быть все в одном и том же положении, начнет являться «нечаянная радость», он почувствует, что человек может радостно воспринять все стороны мира, и из гадкого утенка, каким он был до сих пор в своих собственных глазах, он станет лебедем, как в сказке Андерсена. Людям, которым не суждено дойти до такого превращения, или людям, обладающим кошачьей памятью, привязывающейся ко всем пройденным этапам духа, книга Ахматовой покажется волнующей и дорогой. В ней обретает голос ряд немых до сих пор существующих, — женщины влюбленные, лукавые, мечтающие и восторженные говорят, наконец, своим, подлинным и в то же время художественно-убедительным языком. Та связь с миром, о которой я говорил выше и которая является уделом каждого подлинного поэта, Ахматовой почти достигнута, потому что она знает радость созерцания внешнего и умеет передавать нам эту радость. Тут я перехожу к самому значительному в поэзии Ахматовой, к ее стилистике: она почти никогда не объясняет, она показывает. Достигается это и выбором образов, очень продуманным и своеобразным, но главное — их подробной разработкой.

Эпитеты, определяющие ценность предмета (как то: красивый, безобразный, счастливый, несчастный и т. д.), встречаются редко. Эта ценность внушается описанием образа и взаимоотношением образов. У Ахматовой для этого много приёмов. Цветовых определений очень много в стихах Ахматовой и чаще всего для желтого и серого, до сих пор самых редких в поэзии. И, может быть, как подтверждение неслучайности этого её вкуса, большинство эпитетов подчеркивает именно бедность и неяркость предметов: протертый коврик, стоптанные каблуки, выцветший флаг и т. д. Ахматовой, чтобы полюбить мир, нужно видеть его милым и простым. Ритмика Ахматовой служит могучим подспорьем её стилистике. Тёны и паузы помогают ей выделять самое нужное слово в строке, и я не нашел во всей книге ни одного примера ударения, стоящего на неударяемом слове, или, наоборот, слова, по смыслу ударного, без ударения. Если кто-нибудь возьмет на себя труд с этой точки зрения просмотреть сборник любого современного поэта, то убедится, что обыкновенно дело обстоит иначе. Для ритмики Ахматовой — характерна слабость и прерывистость дыхания. Четырехстрочная строфа, а ею написана почти вся книга, слишком длинна для неё. Её периоды замыкаются чаще всего двумя строками, иногда тремя, иногда даже одной. Причинная связь, которую она старается заменить ритмическое единство строфы, по большей части не достигает своей цели. Поэтессе следует выработать строфу, если она хочет овладеть композицией: один непосредственный порыв не может служить основанием композиции. Вот почему Ахматова знает пока только последовательность логически развивающейся мысли или последовательность, в которой предметы попадают в круг зрения. Это не составляет недостатка ее стихотворений, но это закрывает перед ней путь к достижению многих достоинств. По сравнению с «Вечером», изданным два года тому назад, «Четки» представляют большой шаг вперед. Стих стал тверже, содержания каждой строки — плотнее, выбор слов — целомудренно-скупым, и, что лучше всего, пропала разбросанность мысли, столь характерная для «Вечера» и составляющая скорее психологический курьез, чем особенность поэзии. Историю любви Николая Гумилёва и Анны Ахматовой трудно назвать красивой или романтической. Она принесла много боли и страданий обеим сторонам. Николай Гумилёв трижды получал отказ от Анны Ахматовой, но продолжал посвящать ей лучшие свои стихи. И когда, наконец, он добился руки возлюбленной, жизнь, которая должна была превратиться в сказку,

рассыпалась, словно карточный домик. Но, несмотря на трагизм их отношений, союз Гумилёва и Ахматовой интересен слиянием судеб двух гениальных поэтов.

Они познакомились накануне Нового года в Царском Селе, где оба посещали гимназию. Николаю Гумилёву было 17 лет. Болезненный юноша, да еще и под впечатлением своего любимого Оскара Уайлда подводил глаза и губы, подкручивал волосы и носил цилиндр. А 14-летняя Аня Горенко не имела тогда ничего общего с будущей меланхоличной поэтессой Анной Ахматовой (лишь спустя несколько лет в качестве псевдонима она возьмет фамилию прабабушки). Но, несмотря на свою взбалмошность, которая пугала высшее общество, бледная Анна Горенко, со светлыми глазами и бледной кожей, знающая Бодлера в оригинале, казалась Николаю Гумилёву настоящей лирической героиней.

Гумилёв, витающий в своих романтических мечтах, ничуть не интересовал Горенко, а вот он влюбился в неё с первого взгляда. Учились они вместе, поэтому к огромному счастью поэта продолжали видеться часто. Аня позволяла ему с собой общаться, видя в ухаживаниях Гумилёва лишь потребность его, как поэта, восхищаться прекрасной дамой.

Но для 17-летнего **Николая Гумилёва** это было больше, чем увлечение. Он называл её в своих стихах русалкой. Позднее, спустя 7 лет, когда они поженятся, Гумилёв посвятит одно из своих стихотворений их прогулкам в Царском селе:

Ты помнишь, у облачных впадин
С тобою нашли мы карниз,
Где звёзды, как горсть виноградин,
Стремительно падали вниз? <...>

И мы до сих пор не забыли,
Хоть нам и дано забывать,
То время, когда мы любили,
Когда мы умели летать.

Не подозревая, что Анна всего лишь играет с ним и влюблена в другого (им был её репетитор Владимир Голенищев-Кутузов), **Гумилёв** делает девушке предложение. Получив отказ, **Николай Гумилёв** решает продолжить своё образование в Париже, чтобы вдалеке от родины забыть свою первую любовь. Он слушает лекции в Сорбонне, посещает Италию. А в это время в

России **Анна Ахматова** всё никак не может определиться со своими чувствами и в итоге отправляет Николаю Гумилёву письмо, в котором дает понять, что ждет его приезда. Бросая всё, поэт направляется в Крым, где на тот момент живет семья Ахматовой.

Они много гуляли по морскому берегу и во время одной из таких встреч Гумилёв признался Ахматовой в том, что никогда не переставал её любить. Он делает поэтессе втрое предложение руки и сердца, но вновь получает отказ. Что повлияло на решение Анны Ахматовой — переменчивая натура поэтессы, а возможно, история с выброшенными на берег мертвыми дельфинами, свидетелями которой они стали во время одной из прогулок, — до сих пор не известно.

Второй отказ вводит **Николая Гумилёва** в сильную депрессию и, отвергнутый возлюбленной, он решает свести счёты с жизнью. Для этого он выбирает живописный курорт Трувиль. Но попытка утопления в озере была прервана полицией, которую вызвали забеспокоившиеся посетители городка. Над неудавшимся самоубийцей подтрунивали, но, как вспоминала его современница, художница Наталия Войтинская, написавшая портрет поэта, «он умел хранить торжественный вид, когда над ним смеялись».

Эта случайность придала **Николаю Гумилёву** новую уверенность. Он пишет **Анне Ахматовой** письмо, в котором в третий раз предлагает ей выйти за него замуж. Но поэтесса была непоколебима и вновь ответила поклоннику отказом. **Гумилёв**, вне себя от отчаяния, предпринимает третью попытку самоубийства — выпивает яд в Булонском лесу. К счастью, средство оказалось не достаточно сильнодействующим, и с утра на спящего поэта наткнулся лесничий.

После всех этих неудач **Николай Гумилёв** загорается идеей посетить Африку. Этот континент производит на него огромное впечатление. Однако вскоре жизнь в Каире наскучила поэту, после чего он вновь вернулся в Россию. **Гумилёву** удалось преодолеть душевный кризис, но забыть **Анну Ахматову** он так и не смог. Всё чаще в его стихах появляется некая таинственная женщина. Одним из самых известных стихотворений поэта на африканские мотивы стал «Жираф», в котором также присутствует печальная незнакомка. Стих был опубликован в 1908 году в сборнике «Романтические цветы», в котором было указано: «Посвящается Анне Андреевне Горенко».

Я знаю веселые сказки таинственных стран

Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых
трав.
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Гумилёв по-прежнему продолжает с ней видаться, ведь они вращаются в одних и тех же литературных кругах. И, наконец, поэтесса принимает его предложение. 25 апреля 1910 года состоялась скромная церемония в Николаевской церкви села Никольская слободка (сейчас Левый берег Днепра в городе Киеве). В качестве свадебного подарка **Николай Гумилёв** написал «Балладу»:

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты, нежа и карая,
Ты знала всё, ты знала, что и нам
Блеснёт сиянье розового рая.

Никто ни сулил этому союзу долгих лет, и, тем не менее, Гумилёв прожил с Ахматовой 8 лет. К несчастью, этот брак не стал победой для Гумилёва. Поэтесса была слишком сконцентрирована на своем творчестве и в её сложной «жизни сердца» для супруга было отведено немного места. А сам Гумилёв... что ж, образ Прекрасной Дамой развеялся в атмосфере повседневной семейной жизни. И вскоре поэт находит новую музу. В имени матери он встречается со своей племянницей Марией Кузьминой-Караваевой. Гумилёв влюбляется в неё мгновенно, и Маша отвечает ему взаимностью. Однако, девушка была смертельно больна, и болезнь оставила им не так много времени... Впрочем, для творчества поэта это обстоятельство было плодотворно — он вновь вошел в образ несчастного влюбленного.

Когда Кузьмина-Караваева умерла в Сан-Ремо, Анна Ахматова записала:

«НС был действительно влюблен в Машу и посвятил ей
весь первый отдел «Чужого неба».

Для поэтессы было невероятно трудно упасть с пьедестала той неземной любви, которой Гумилёв одаривал её ранее. А еще и новый сборник:

«Самой страшной я становлюсь в «Чужом небе» (1912), когда я, в сущности, рядом (влюбленная в Мефистофеля Маргарита, женщина-вамп в углу, Фанни с адским зверем у ног, просто отравительница, киевская колдунья с Лысой Горы...). Там борьба со мной! Не на живот, а на смерть!»

1 октября 1912 года рождается их первый и единственный ребенок - сын Лев. Но и он не спасает этих увядающих отношений. Задыхающийся от быта Гумилёв ведет еще более холостяцкую жизнь, не скрывая своих увлечений. Как позже напишет **Ахматова**:

«Николай Степанович всегда был холост. Я не представляю себе его женатым».

Это было трудное время для обоих. После начала Первой мировой войны **Николай Гумилёв**, охваченный романтическим героизмом, отправляется на фронт. В это время у **Ахматовой** завязывается роман с поэтом Борисом Анрепом, но его обрывает эмиграция последнего в Англию. При этом, Анреп был не единственным возлюбленным поэтессы в то время.

После войны **Николай Гумилёв** посетил Париж, и когда он вернулся домой, то Анна сообщила ему ошеломительную новость — она любит другого, поэтому они должны расстаться навсегда. Оставив сына у свекрови, поэтесса ушла к известному специалисту по Древнему Египту Владимиру Шилейко.

Несмотря на то, что у Ахматовой с Гумилёвым все большую часть их супружеской жизни складывались весьма прохладные отношения, для поэта это решение стало ударом. Оказалось, что он всё еще любил свою лирическую героиню Аню Горенко. Позже, когда были обнародованы их письма, можно было прочесть, что он звал Ахматову уехать за границу. А еще на фронте посвятил ей стихотворение:

А ночью в небе древнем и высоком
Я вижу записи судеб моих
И ведаю, что обо мне, далеком,
Звонит Ахматовой сиренный стих.

Впоследствии Гумилёв еще раз женился, а **Анна Ахматова** трижды была замужем. Но после расстрела поэта 26 августа 1921 года, именно она

сохранила у себя его рукописи, пыталась издавать его сборники, всячески помогала его биографам и просвещала ему свои стихи.

Что ты бродишь неприкаянный,
Что глядишь ты не дыша?
Верно, понял: крепко спаяна
На двоих одна душа.

Эти строки **Анна Ахматова** написала в декабре 1921 года. Она называла себя вдовой Гумилёва и до последнего дня сохранила память о нём.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917

Вернувшись в Советскую Россию, Н. С. Гумилев окунулся в тогдашнюю горячую литературную атмосферу революционного Петрограда. Как многие другие писатели, он стал вести занятия и читать лекции в Институте Истории Искусств и в разных возникших тогда студиях - в "Живом Слове", в студии Балтфлота, в Пролеткульте. Он принял также близкое участие в редакционной коллегии издательства "Всемирная Литература", основанного по почину М. Горького, и вместе с А. А. Блоком и М. Л. Лозинским стал одним из редакторов поэтической серии. Под его редакцией в 1919 году и позже были выпущены "Поэма о старом моряке" С. Кольриджа в его, Гумилева, переводе, "Баллады" Роберта Саути и "Баллады о Робин Гуде". В переводе Гумилева с его же коротким предисловием и введением ассириолога В. К. Шилейко, который стал вторым мужем А. А. Ахматовой, был выпущен также вавилонский эпос о Гильгамеше. Вместе с Ф. Д. Батюшковым и К. И. Чуковским Гумилев составил книгу о принципах художественного перевода. В 1918 году, вскоре после возвращения в Россию, он задумал переиздать некоторые из своих дореволюционных сборников стихов: появились новые, пересмотренные издания "Романтических цветов" и "Жемчугов"; были объявлены, но не вышли "Чужое небо" и "Колчан". В том же году вышел шестой сборник стихов Гумилева "Костер", содержащий стихи 1916-1917 гг., а также африканская поэма "Мик" и уже упоминавшийся "Фарфоровый павильон". Годы 1919 и 1920 были годами, когда издательская деятельность почти полностью приостановилась, а в 1921 году вышли два последних прижизненных сборника стихов Гумилева - "Шатер" (стихи об Африке) и "Огненный столп".

Кроме того, Гумилев активно участвовал и в литературной политике. Вместе с Н. Оцупом, Г. Ивановым и Г. Адамовичем он возродил Цех Поэтов, который должен был быть "беспартийным", не чисто акмеистским, но ряд поэтов отказался в него войти, а Ходасевич кончил тем, что ушел. Уход Ходасевича был отчасти связан с тем, что в петербургском отделении Всероссийского Союза Поэтов произошел переворот и на место Блока председателем был выбран Гумилев. В связи с этим много и весьма противоречиво писалось о враждебных отношениях между Гумилевым и Блоком в эти последние два года жизни обоих, но эта страница литературной истории до сих пор остается до конца не раскрытой, и касаться этого вопроса здесь не место.

Гумилев с самого начала не скрывал своего отрицательного отношения к большевистскому режиму.

Едва ли правильно думать, как утверждали многие, что дело было в "наивном" и несколько старомодном, традиционном монархизме Гумилева. Отрицательное отношение к новому режиму было общим тогда для значительной части русского интеллигентного общества, и оно особенно усилилось после репрессий, последовавших за покушением на Ленина и убийством Урицкого, совершенным поэтом Леонидом Каннегиссером. Но многими тогда овладел и страх. Гумилева от многих отличали его мужество, его неустранимость, его влечение к риску и тяга к действительности. Так же как неверно, думается, изображать Гумилева как наивного (или наивничавшего) монархиста, так же неправильно думать, что в так называемый заговор Таганцева он оказался замешанным более или менее случайно. Нет оснований думать, что Гумилев вернулся весной 1918 года в Россию с сознательным намерением вложиться в контрреволюционную борьбу, но есть все основания полагать, что, будь он в России в конце 1917 года, он оказался бы в рядах Белого Движения. Известно, что с одним из руководителей "заговора", профессором - государствоведом Н. И. Лазаревским, Гумилев был знаком еще до отъезда из России в 1917 году.